Пролетарская правда. 1950. 1 декабря.

Противоречивый спектакль

☆

(О новой постановке областного театра драмы „Кандидат партии")

☆

Этот спектакль рождает не совсем обычные впечатления. Смотрится он с интересом, а местами даже—с большим: от картины к картине этот интерес возрастает; но вот последний раз закрывается занавес, и зритель встает со сложным чувством недоумения и неудовлетворенности. Что же, собственно, хотели сказать драматург и театр? Писатель и сценический коллектив хотели сказать что-то новое, важное и радостное.

Хотели, но не сказали.

Почему же это произошло? Кто повинен в этом? Нам кажется, что не театр, вернее, не театр — в первую очередь.

Постановщику спектакля «Кандидат партии» главному режиссеру театра Г. Георгиевскому присуще необходимое и бесценное для подлинного художника качество: любовь к новому. Георгиевский любит советскую новь, смело берется за показ ее и решает эту задачу, большей частью, верно, темпераментно и глубоко. Однако в стремлении к новому ему иногда изменяет критическое чутье. Бывает, когда, увлекшись темой, фразой, он допускает на сцену художественно несовершенные произведения, пьесы, в которых отрицательного больше, чем положительного.

Так случилось и теперь.

Драматург Александр Крон в основу своей пьесы положил великую идею о том, что труд в нашем социалистическом обществе, являясь делом чести, делом доблести и геройства, служит источником счастья. Идея эта настолько значительна, глубока и интересна, что всякий раз, будучи поднятой — в песне ли, в романе или пьесе, — она вызывает глубокое чувство советских людей.

Режиссер заставил зазвучать в спектакле все, что помогает ему шире, правдивее раскрыть перед зрителем глубочайший смысл и красоту этой идеи.

И все же, несмотря на ясность цели, поставленной перед ансамблем исполнителей, на точность индивидуальных актерских задач, эффектность большинства мизансцен и высокие художественные достоинства оформления постановки в целом, — несмотря на всё это, спектакль не передает поэзии труда, не рождает ощущения окрыленности человека творческим трудом, ощущения того всеобщего высокого трудового энтузиазма, с которым сегодня народ наш идет на небывалые свершения.

Ничего этого спектакль не дает и дать не может. Режиссер, увлекшись отдельными удачными местами пьесы, не заметил её недостатков в целом; не почувствовал, что для достижения поставленной цели она не дает театру достаточного материала.

К раскрытию идеи своего произведения драматург пошел путаными, окольными путями. Сведя тему к столкновению передового рабочего с честолюбцами, с «маленькими людьми», ищущими свое личное счастье в карьеризме, в кургузом мещанском довольстве, и, построив события на явно надуманном конфликте, он обедрил пьесу и, естественно, вместе с нею спектакль.

Вместо показа героев, типичных для наших дней, — тех, к примеру, кто возводит высотные здания, двинулся на великие стройки коммунизма; вместо показа образа большевика, организующего и вдохновляющего людей на труд, автор населил пьесу нехарактерными, а в ряде случаев — архаичными персонажами.

В самом деле, кто в пьесе «Кандидат партии» олицетворяет образ передового советского труженика?

Инспектор Ковако?—Опытный артист Н. Булыгин колоритно сыграл эту роль, дал правдивую индивидуальную и «профессиональную» характеристику этого старого финансового работника. Но это не избавляет драматурга от законного вопроса: к чему инспектор Ковако в этой пьесе? Живет он воспоминаниями о былых подвигах, попадает в конфузное положение при попытке «покарать» пенсионера Леонтьева за «незаконный» ремонт соседнего утюга и, занив этим добрую половину первого действия, бесследно исчезает со сцены. Ни углублению темы, ни более полной обрисовке других героев Ковако не служит.

Пенсионер Леонтьев? — Это наиболее цельный и ясный образ в пьесе. И артист Н. Луньяков удачно, с большой сердечностью представил его. Но, как сказано, Леонтьев — пенсионер. Достаточно обеспеченный советской властью, взрослыми детьми, он спокойно пребывает дома. Скуки ради, а вернее всего по многолетней привычке к труду он чинит соседям утюги (бесплатно). Это занятие, конечно, свидетельствует о его доброте душевной, но никак не служит основанием для того, чтобы считать его новатором труда.

Людмила, его дочь? — Студентка, бывшая нормировщица. Но ни в учебе, ни в труде, ни в своем отношении к ним Людмила не показана автором. Из того немногого, что она совершает в пьесе, можно лишь заключить, что это умная, несколько своенравная девушка. Эти её качества с хорошей внутренней простотой и представила артистка И. Бухарцева, дав и свежий внешний рисунок образа.

Вообще Леонтьевы — старик, дочь и сын Николай, главный герой пьесы— обрисованы А. Кроном с большой любовью. Однако к событиям пьесы, к развитию ее идеи образы отца и дочери имеют самое косвенное отношение.

Анатолий Востряков — товарищ Николая? — Но это — карьерист, честолюбец, белоручка. Его-то уж никак нельзя считать человеком, идущим в первых рядах тружеников сегодняшнего дня, как не идет в этих рядах и фотокорреспондент Венцова.

Заведующий бюро рационализации завода Касаткин? — Образ этого профсоюзного «деятеля», так же, как и образ Ковако, явно архаичен. Точно следуя авторскому замыслу и воле режиссера, артист М. Рыбаков создал довольно оригинальный по остроте и выразительности обрисовки портрет Касаткина.

На сцене — «практик», «активист», «заводилова», а в общем—беспардонный и глуповатый болтун. Положения дел на заводе этот «фабзайчонок» с бородой не знает, людей—тоже, в рационализации разбирается как слон в танцах... Если позволительно хоть на минуту отделить форму от содержания, то можно признать, что исполнение Рыбаковым роли Касаткина — творческая удача актера. Но искусству социалистического реализма чуждо такое отделение и поэтому тут же напрашивается вопрос: ради чего артист тратил свой пыл? Кого он играл? Где артист, режиссер и драматург увидели сегодня такого профсоюзного работника? «Колька Касаткин» был возможен в 20-е или, сказаем, еще в 30-е годы. Но теперь, когда, неизмеримо выросший политически и культурно, рабочий класс посылает в профсоюзные органы лучших своих представителей, когда движение рационализаторов стало массовым, когда новаторы бдительно следят за быстрейшим претворением в жизнь своих предложений по усовершенствованию техники и методов труда, «касаткиных» в профсоюзах нет. Быть может, они еще живут в анекдотах, но зачем же анекдот рассказывать со сцены?..

Плотовщиков, секретарь парткома?— Один из ответственнейших образов в пьесе, особенно учитывая тему её. Но Плотовщикова зритель видит очень мало и всякий раз — когда тот находится в повышенно-нервном состоянии. В дни, когда на заводе (в пьесе) разворачиваются главные — печальные — события, секретарь парткома... болеет. Появляется он к концу спектакля, чтобы покарать зло и протянуть руку помощи «невинному младенцу» «Миколе». Больше он ничем непримечателен. Автор подробно рассказывает прошлую общественную и личную биографию секретаря парткома и забывает сказать... что же он делает на заводе сейчас!

Частухины? — Но «ей», Нине Павловне, стенографистке, буквально нечего делать в пьесе. Не случайно поэтому режиссер все время прячет её на задний план и заставляет заниматься довольно странными делами: вести никому ненужную стенограмму ссоры на даче, или—такие же ненужные, построенные на туманных аналогиях и явно безрезультатные «душеспасительные» разговоры с Венцовой. В психологическом плане этот образ решен артисткой Е. Поповой весьма расплывчато. Ведет себя Нина Павловна так, точно она все время находится в комнате, тесно заставленной драгоценными хрупкими предметами, которые могут разбиться от малейшего движения воздуха. Возможно, этим хотели подчеркнуть исключительную мягкость и чуткость героини, но вместо доброй женщины получилось какое-то бесхребетное существо, пребывающее непрерывно в блаженно-умиротворенном состоянии...

«Он» — Вячеслав Алексеевич, главный технолог завода. Это — единственный герой в пьесе, исключая главного— Николая, который что-то сделал, — определенное и нужное. П. Званцев в роли Частухина—самое отрадное явление в спектакле. Правдиво — до абсолютного слияния актера и образа—представил Званцев в совершенстве законченный портрет умного, скромного человека, большого специалиста и гражданина. Частухин первым понял стремление Вострякова к саморекламе и разоблачил его; он же глубоко разобрался в особенностях приемов работы Николая и указал ему пути создания его, леонтьевского, метода труда, который может стать достоянием многих.

Таким образом, исключая Частухина и Николая Леонтьева (но о нем—ниже), в пьесе нет образов тех, кто действительно представляет сегодня облик тружеников нашей промышленности, кто двигает вперед технику, ширит социалистическое соревнование, вдохновляет людей на трудовой героизм, кто прокладывает пути к подлинно коммунистическому труду.

В пьесе много недоговоренностей.

Артист М. Обуховский успешно справился с ролью Анатолия Вострякова. Он создал выразительный портрет молодого, но «многообещающего» карьериста. Однако при всей «ясности» этого образа, неясным остается одно: почему хороший рабочий парень, стахановец, стал карьеристом? Почему у него закружилась голова при первом «запахе» славы? И ради нее он холодно, расчетливо отказывается от дружбы, от любимой девушки, а своих товарищей по заводу начинает называть «рабочей лошадкой» (кстати, выражения: «рабочая лошадка», «натаскивать, как медведя» неуместны в пьесе в любых устах; звучат они оскорбительно).

Честолюбцы и карьеристы в нашем обществе еще встречаются, но они, конечно, не характерны для рабочей среды. Если же допустить, что в данном случае это характерно, то тем более автору следовало бы показать почву, на которой «возрастают» Востряковы. Вот ведь когда зритель, к примеру, видит ромашовского Милягина, он понимает все истоки его «заграничного идолопоклонства». Карьеризм же и славолюбие (тоже капиталистическая «продукция»!) Вострякова, выросшего и воспитавшегося в трудовом коллективе, приходится объяснять только... врожденными наклонностями!

Безусловно, это не так, но драматург, очевидно, убежден в обратном.

Вот фотокорреспондент Венцова (новый, и снова неудачный в литературе, образ советского журналиста!). Совсем молодая женщина Училась в техникуме; служила в Армии; после войны—работает в печати. Ясно, что ни одна из этих сред не могла привить ей яда разочарованности в людях, апатии к труду, пошлости во взглядах и вкусе. А между тем Венцова (арт. В. Воинова) пропитана этим: с бесстыдной откровенностью она силится «пристроить» себя к кому-нибудь «познаменитее», чтобы уйти от «повседневности», побыть хотя бы фальшивым камушком в венце чужой славы.

Откуда «пошла и есть» Венцова?...

Характеры главных героев пьесы противоречивы. Это помешало актерам правдиво воплотить их на сцене.

Секретарь парткома Плотовщиков— это золотой фонд партии; его биография — это биография лучших людей нашей страны, несущих на своих плечах главные трудности грандиозных исторических преобразований мира. Конечно, таким людям пришлось много пережить. Но они — большевики! Именно поэтому народ безгранично верит им, любит их, — за преданность интересам трудящихся, за волю, выдержку, чуткость, умение разобраться в людях, фактах, во-время указать правильный путь. Заслуженному артисту республики И. Лобанову, исполняющему роль Плотовщикова, надлежало сочетать эти типические черты большевика с «персональными» чертами его героя: трагическим одиночеством в личной жизни, неврастеничностью, грубостью, зачем-то потребовавшимися автору. Задача нелегкая.

И вот зритель видит, как секретарь парткома, знающий и любящий, по его словам, молодого Леонтьева с колыбели, по первому оговору Вострякова неистово набрасывается на лучшего стахановца завода и обвиняет его в «грехах», в свершении которых сразу бы усомнился любой человек и менее знакомый с Николаем. От Плотовщикова, возникшего в представлении зрителя из рассказов других героев, к Плотовщикову реальному—артисту невозможно провести не только правдивую, но и просто правдоподобную внутреннюю линию образа.

Или такой факт. Ответственнейшую деталь с клеймом, лично принадлежащим Леонтьеву, заказчик получил брачной. Чрезвычайное происшествие на заводе! Заседает комиссия по расследованию; коллектив волнуется; герой страдает. И только секретарь парткома, давно открывший истинного браконьера, многозначительно спокоен. Лишь «под занавес», когда и зрители спектакля и его герои достаточно «помучены», когда введенный в заблуждение Касаткин вполне законно отбирает у Николая свою рекомендацию в партию, — Плотовщиков об'являет правду!

Так коммунисты не руководят и других подобному руководству не учат.

Образ секретаря парткома драматургом написан неправдиво. Алексей Плотовщиков наделен чертами, противоречащими его биографии. Не удивительно, что талантливый артист И. Лобанов не порадовал зрителя в этом спектакле.

Не менее, если не более, противоречив внутренне и не завершен образ Николая Леонтьева.

Это — центральный положительный герой пьесы. По мысли автора он должен олицетворять сегодняшнего передового рабочего; больше того — являть облик труженика нашего Завтра.

Николай наделен многими добродетелями. Он — культурен, трудолюбив, честен и скромен. Особенно в последнем — это прямая противоположность Вострякову. Порой он кажется до того скромным, смирным и добрым, что на нем «хоть воду вози»! И вдруг «Микола» становится в позу и изрекает: «Чем быть простым инженером... лучше быть непростым рабочим!»... Кроме того, что с этим афоризмом (а как всякий афоризм, так и этот претендует на обобщение) ни в коем случае нельзя согласиться по существу, он знаменателен и другим. Оказывается, червячок честолюбия, против которого, в конце концов, и сведен автором весь «удар» пьесы, запала и в сердце Николая, эудит там...

Но Леонтьев, по воле автора, должен быть скромен во что бы то ни стало! И вот он стоит на суде... то бишь—перед комиссией (самая неясная и неудачная по композиции сцена в спектакле) и... молчит. Его обвиняют в браке, которого он не делал, а он — слова не скажет в ответ! Зритель верить этому не хочет! Ведь до этого (до этой сцены) парень-то словно, казался умным, дельным и даже принципиальным...

Разве так поступают советские люди, убежденные в своем честном труде, в своей правоте?! Такая скромность—паче гордыни. Она вредна!

Но образ Николая грешит еще большими недостатками. Драматург замыслил его как образ человека, прокладывающего новые пути в труде, меняющего отношения людей к труду и само понятие о нем. Молодой Леонтьев мечтает о времени, когда «труд рабочего станет равным труду художника и ученого». Сам герой почти достиг этого. Своё профессиональное мастерство он довел до виртуозности: выполнил 20 годовых норм и работает в счет пятой послевоенной пятилетки. Но разве передовые стахановцы, да к тому же коммунисты, ограничивают свои задачи только личными успехами?

Советская страна знает сотни имен передовиков труда, — таких, как Чутких, Корабельникова, Ковалев и другие. Эти люди являются не только новаторами труда, они выступают как пламенные пропагандисты и организаторы его новых форм и методов. Николай Леонтьев же трудится в одиночку и к окружающим по существу равнодушен. Он даже своего бывшего ближайшего друга—Вострякова, с которым проработал рука об руку не один год, «вычуть толком не сумел».

В пьесе нет кандидата партии! Нет человека, решающего большие государственные задачи вместе с массами и для масс: нет коммуниста, организующего и новыми путями ведущего народ на героический вдохновенный труд.

Артист А. Мальченко очень неровно сыграл роль Николая Леонтьева. Удались ему лишь места, где герой выражает свою любовь к труду, поэтизирует его. В целом же образ получился измельчённым. Артист часто бывает излишне суетлив, что не вяжется ни с характером героя, ни просто... с внешними данными исполнителя.

Александр Крон напечатал в «Новом мире» композиционно рыхлую, во многом недоработанную пьесу. Ее идея осталась невоплощенной в правдивые образы.

В спектакле нет кандидата партии.

ВАС. КАМЯНСКИЙ.